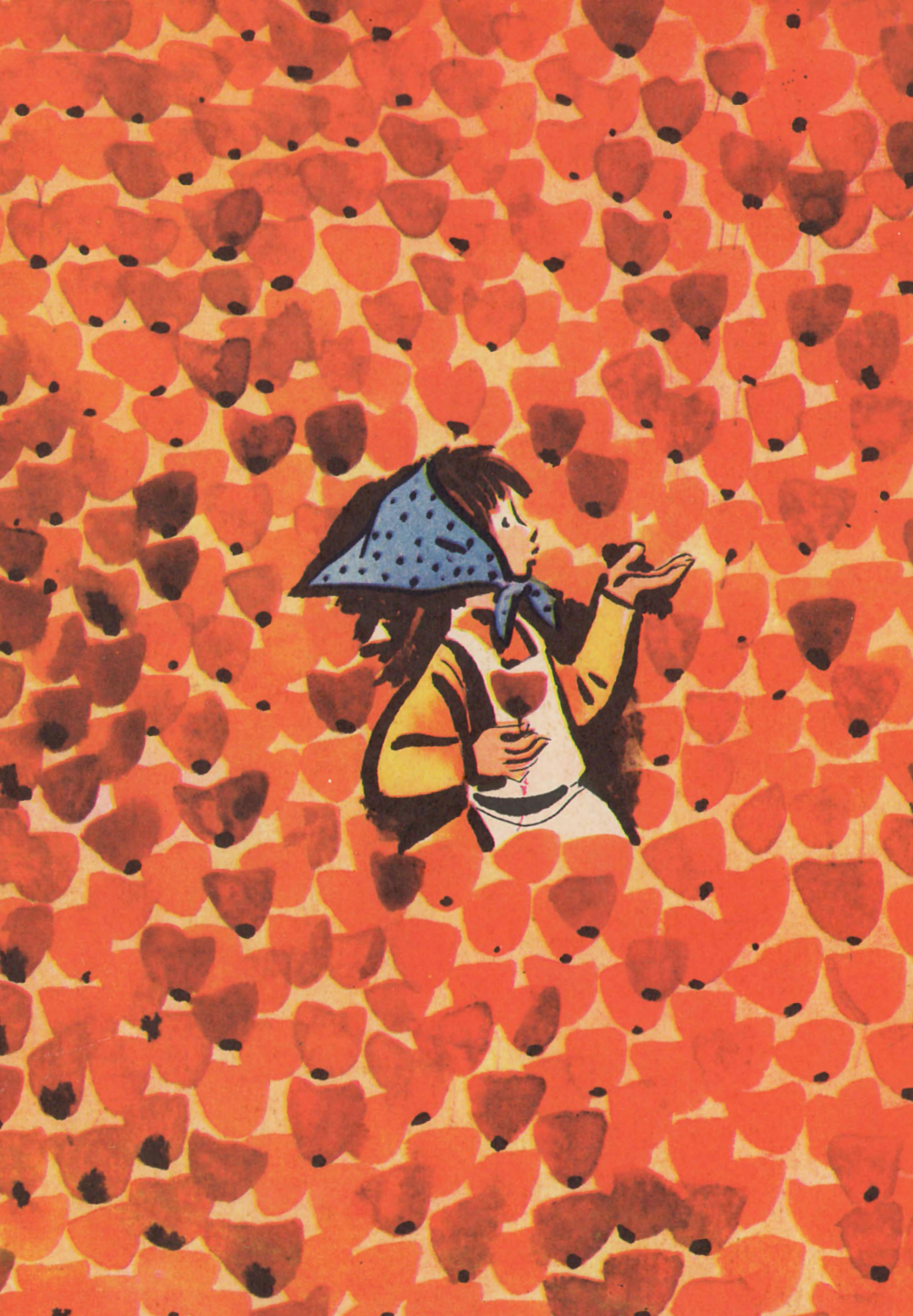


А. ШИШОВ



**ДЕДУШКА ФЁДОР,
КАТЯ И КОРОЛЬ**



А. ШИШОВ

**ДЕДУШКА ФЁДОР,
КАТЯ И КОРОЛЬ**

*Художник
Е. Медведев*

МОСКВА «МАЛЫШ» 1974



Красиво бывает в нашем колхозном огороде, когда зацветают маки. Пышно, ярко цветут! Катя, маленькая курносая девчушка, в эту пору прямо-таки пропадает на грядках.

— Ты опять здесь? Вот я тебя! — кричит на неё мать. Нагнувшись, она делает вид, что ищет около себя что-нибудь такое, чем бы можно было наказать баловницу.

А Катя, быстренько перебравшись через изгородь, стремглав бежит по узкой, выкошенной дорожке. Попутно она отыскивает глазами свою заступницу, тётю Марфу-бригадира.



— А ты не шуми на неё, не шуми! — вступается за девочку Марфа Ивановна. — Она помогать нам пришла!



Одним махом вываливает бригадирша из фартука сорную траву, только что выполотую с грядок.

Маленькая Катя уже в маках, голова её затерялась в распустившихся ярких шапках цветов.

Маки цветут красиво, но недолго. Их крупные лепестки при малейшем дуновении ветра опадают, густо усеивают землю. Девочка подбирает лепестки, прячет себе в карман фартучка. Затем, усевшись поудобнее, перекладывает их, подбрасывает на ладошке, считает:

— Раз, два, три... это пять, а это десять... Два, три... это пять, а это десять. Вот сколько!

Женщины смотрят, усмеваются:

— Гляди, Настасья, твоя дочурка какая ловкая! Счетоводом бы её поставить в правление. Пусть старается, трудодни нам начисляет.

Настасья улыбается, вздыхает. Дочка-то у неё одна-одинёшенька. Был бы братик или сестричка, тогда бы и Катя меньше по улице бегала, дома сидела.

Катя тоже так считает:

— Чего мне с курами да котом сидеть? Невидаль какая! Всё равно что одна.

То ли дело — в огороде! С раннего утра народ. Кроме женщин сюда приходит дедушка Фёдор Солонец — водовоз, высокий, сухой, с лицом, заросшим рыже-седыми волосами. На лысой голове его неизменная войлочная шляпа от дождей, ветра и жаркого солнца.

Катя дружит с дедом. Последнее время Фёдор стал туговат на ухо, некоторые слова недослышит. В таких случаях девочка тут как тут — всё, что нужно, передаёт ему слово в слово.

— Деда, конь твой отдохнул. Велят воду завозить.

— А-а. Чего?

— Воду, воду велят завозить. Тётя Марфа велит. Говорит, всё посохло да погорело...

Дедушка Фёдор мотает головой, недовольно ворчит, но морщинистое лицо его с выцветшими глазами добродушно.

— То-то я без них не знаю, что к чему. А ежели Король подковы сбил и в гору не может телегу вытянуть?

По правде говоря, Катя иной раз сбивается с



толку: не то дед говорит всерьёз, не то балагурит.

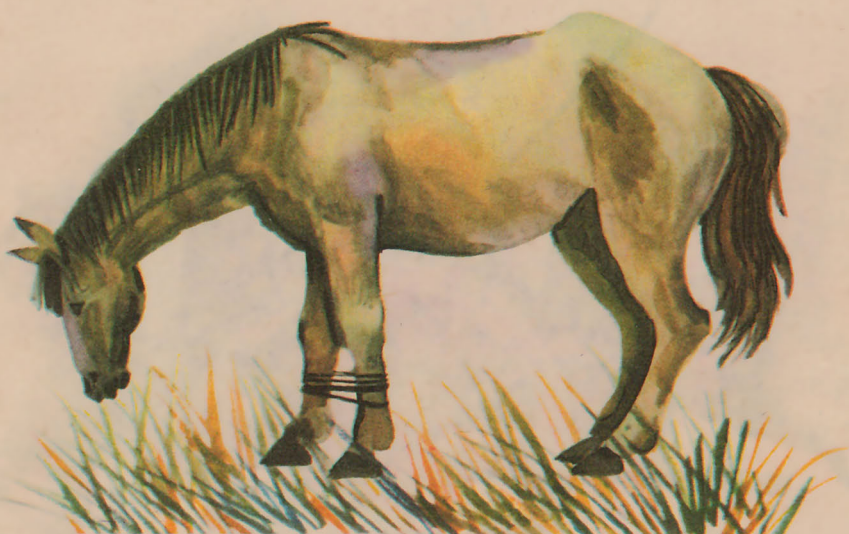
— Деда, велят тебе Короля в кузницу отвести да подковать, на острые шипы его поставить. Понял, а? — пристаёт девочка.



Хитрый дед себе на уме: с места не двигается. Подмигнув маленькой Кате — как, дескать, не понять? — садится в тени, достаёт трубку, затем плотно набивает её свежей махоркой и принимается дымить.

Девочка морщится от едкого дыма, но от деда не отходит.

— Эхма, плохи наши дела! — покурив, говорит дедушка. — Совсем посох огород. Дождик нужен, да не простой, а зарядный.



— Какой-то зарядный?

— А чтобы день и ночь лил — дождик с большой водой, громом и молнией. Будет зарядный и земля вволю напьётся.

Покурив, Фёдор Солонец отправляется запрягать коня — сивого и брюхастого Короля. Снимает



путы с ног коня, запрягает его в телегу. Весь день старый конь возит из-под горы, с реки, воду. А Фёдор сливает её в большой чан посередине огорода.

— Н-о-о, Король, н-о-о!

Король пробует ускорить шаг, однако скоро отказывается от напрасной попытки — годы ушли...



— Эх ты, лодырь! Король, ты и есть король, тебе бы только баклуши бить да на овёс зариться... Вот я тебя достану! Где у меня кнут? — перебирая вожжи, кричит на него Фёдор.

Однако не было такого случая, чтобы он отстегал конягу, довольно и того, что похорохорится, гнев сорвёт.





К вечеру, перед закатом солнца, огородницы работают не покладая рук. Из чана набирают воду в вёдра, ушаты и разносят по всем грядкам. Подоткнув подола, они проворно бегают по бороздам с коромыслами на плечах, перехватывают из рук одна у другой тяжёлые лейки. Звон и стук опорожнённых вёдер, смешки и прибаутки как будто помогают им в делах.

У Кати такая же лейка, только поменьше, с такой же мелкой сеткой, и с боку дужка, чтобы было за что братья рукой.

— Поливай маки, чтобы они ещё пышнее цвели, — посылает её Марфа Ивановна.

Приходят подружки Кати — толстая Ляля и остроношенькая Таня с младшим братом Мишей.

— Дай нам поливать, мы тоже умеем.

Кате жалко уступить лейку, да и силёнку свою она не всю израсходовала.

— Дала бы, да платья замочите...

— Беда не велика. Мы по одной лейке.

— Надо спросить у дедушки Фёдора.

— А чего его спрашивать? Нам тётя Марфа разрешила.

— Небось дедушка воду-то с реки навозил, — отвечает Катя, а сама всё таскает воду да поливает грядки с маками.

Маленький Миша вдруг попятился назад и горько заплакал.

— Чего это он? — испугалась Катя.

— Жука испугался, — ответила за него сестра. — А ты не бойся, дурачок. Он тебя не тронет.

Миша всё равно плакал. Катя не выдержала, передала свою лейку Тане и Ляле, а сама взялась унимать Мишу. На лету поймала большого чёрного жука, покружилась с ним, поднесла к носу мальчика:

— Погляди, какой он хороший, с усами, с крыльями. Возьми его в руки, бояться не будешь.

Мишутка только хотел взять жука, а он поднялся на крыльях и загудел: гу-гу-гу!

— Вот и прозевал. Ищи теперь другого, — сказала Катя и забрала обратно у девочек лейку.



В тёплом пальто и валенках Катя ходит в школу. После уроков с подружками Таней и Лялей катается на лыжах.

На лыжах Катя уводит подруг на край села, к аллее молодых лип на огороде. Огорода совсем не видно, только крыша теплицы да отдельные колышки городьбы кое-где обозначались в снежных сугробах.



Дедушка Фёдор на Короле, заложенном в розвальни, появляется здесь и зимой. Он помогает строителям перевозить железные трубы, кирпич и цемент. Раскопав снег, складывают они-всё это под навес, где хранится летний инвентарь.

Дома Катя пристала к матери:

— Для чего это, мама, железные трубы?

— Лето придёт, увидишь, узнаешь.

Нет, ты скажи, ну, пожалуйста, мам...

Самая трудная работа на огороде — поливка. Чем больше грядок — тем больше требуется воды.



Вот Марфа Ивановна и надумала сделать свой дождь. Электричество будет подавать нам воду.

Девочка сгорала от любопытства:

— Мама, да как же это? И дедушка Фёдор об этом знает?

— Все знают. Одна ты не знаешь.

— Мама, а почему деду помогают возить трубы ребята?

— А кто же ещё должен? Комсомольцы они. И вы, ребятишки, тоже помогайте.

— А что, мама, собрать бы всех учеников, а? Вот скажу Грише Стрижову, он в школе председатель пионерской дружины. Как объявит воскресник — все пойдут...

— Скажи. Только сейчас не лето, а зима: мороз на ветру слёзы из глаз выжимает.

— А мы не боимся мороза, честное слово, не боимся!

В большую перемену Катя поймала в коридоре школы председателя Гришу Стрижова.

— Здравствуйте! — насмешливо поклонился ей Гриша. — То-то мы не знаем... Давно договорились: в выходной будем там.

В воскресенье с утра снег окреп: идёшь без дороги — и не проваливаешься. А солнышко как проглянет, всё засияет вокруг, глазам больно. Небольшие липы покрылись серебряным инеем, словно приукрасились ёлочной канителью.

Снег начали разгребать вдоль огорода, от самых теплиц. Оказывается, земля внизу не очень промёрзла. Ребята откалывали её кирками, а девочки подбирали и выбрасывали комья на снег. Мало-помалу получалась узкая, но довольно глубокая канава. В неё и опустили железные трубы, идущие к кирпичным колонкам.

Дедушка Фёдор, в длинном полушубке и меховой шапке, подпоясанный кушаком, покрикивает на своего Короля. Он, как всегда, возит на розвальнях трубы. Катя и здесь не прозевала: на повороте



вскочила в розвальни к деду и уехала с ним к складу.

— Деда, летом у нас будет свой дождь? — спрашивает Катя.

Ты и сама всё знаешь.

— Знаю. А ты скажи — будет?

Будет! — Дед Фёдор освобождает ухо из-под шапки, чтобы лучше было слышать.

— Это я всех маленьких ребят привела на огород! — хвастает Катя.

— Молодец!

— Я не мальчишка — молодец-то.

— Другой и мальчишка того не сообразит. Ты догадливая, в мать уродилась.

Нагрузили трубами сани, и дедушка Фёдор заботливо сказал:

Закройся от ветра, а то нос-то у тебя прохудится — течь будет.

Не-е, он у меня только шмыгает, — ответила Катя и, прибрав вожжи, закричала на лошадь: Эй, Король! То-то лодырь. Тебе бы только овёс жевать. Но, но!

Раскормленный за зиму конь и ухом не повёл. Закрыв глаза, он сладко дремал или думал о чём-то своём.

Голос твой ему не знаком, — сказал дед и, откашлявшись, крикнул на Короля басом.

Меринок помахал хвостом, вздохнул и медленно стал раскачиваться, пробуя воз то одним плечом,



то другим. С грузом шёл он не с той резвостью, что порожняком. Трубы звенели, грохотали, шевелились, как живые, и сидеть на них было неудобно. Катя цеплялась за деда, чтобы на откосах не вывалиться из саней.

Зима недолго бушевала снежными метелями и лютовала крепкими морозами. В марте затинькала с крыш первая капель, быстрая и прозрачная, как дождинка.

— Ой, какая холодная! Ой, как руки щекочет! — подставив под застреху пригоршни, радовалась Катя.

— Недоставало, чтобы ты простудилась, — ворчала на неё Настасья.

— Мама, солнышко уже тёплое.

— То-то, что тёплое. На огороде, в парниках и теплицах дел немало. Пришли бы да помогли лепить горшочки из торфа.

— Придём.

И Катя не обманула. Привела ребят лепить горшочки для огородной рассады.

— Тётя Марфа, вот сколько мы горшочков сделали!

— Эти ваши горшочки займём под помидоры, — прикидывала озабоченная Марфа Ивановна.

А когда наступило настоящее тёплое лето, школьники снова пришли на огород. Интересное дело — надевать бумажные колпачки на высаженные в грунт помидоры.

Катя уже знала грядки как свои пять пальцев. Уверенно водила по бороздам своих подружек:

— Здесь будут маки высокие-высокие! Вот такие, — она показывала на макушку своей голо-





вы. — Здесь — клубника. Здесь — огурцы и репа. А что тут будет, то и сама ещё не знаю.

Фёдор Солонец теперь не водовоз, а только сторож. Король передан на молочную ферму. С тем же усердием он возит там бидоны с парным молоком. Ночью дед сторожит, а днём чинит грабли или подбирает черенки для мотыг. А то с алмазом в руке вставляет стёкла в парниковые рамы.

С нынешней весны он всё улыбается: на старости и ему пришло облегчение. На том месте, где стоял огромный чан, построена кирпичная колонка. От неё во все стороны идут железные трубы.



Что бы дедушка Фёдор ни делал, водопровод занимает его больше всего. Выкурить трубку он усаживается у самой колонки. Щуря глаза, поглядывает в голубое небо: теперь горячее солнце не страшно, молодые посадки не спалит.

Фёдор, зеленца пить хотят! — это Марфа Ивановна сказала.

Тотчас же Катя подбежала к деду, наклонилась к уху старика:

Воду велят подавать, воду! — и замерла в ожидании.

Фёдор, как и прежде, не торопится.



— То-то я без них не знаю, когда подаётся вода. — А сам смотрит на девочек и подмигивает: дескать, сейчас увидите, какой дождь напущу.

Приняв гордый, осанистый вид, старик без усилия поворачивает колесо винтового крана.

Сначала девочки услышали, как вода с шумом хлынула в трубы, а затем, разбежавшись во все стороны, вырвалась наружу — и вот уже заструилась, забила, взлетая вверх фонтаном, искрясь и сверкая на солнце.





Все радуются. Ещё бы, такое пришло облегчение! А Катя и её подружки Ляля и Таня от радости скачут по огороду, припевая:

Дождик, дождик, дай воды —
Уроди нам бобы
И красные маки!..

В тот день Катя прибежала домой весёлая и счастливая. Но дома застала свою маму озабоченной. Давно не видела её такой! Сидела Настасья, подперев кулаком подбородок, о чём-то глубоко и сосредоточенно думала.

— Отчего ты, мама, такая? Отчего? На огороде все довольны: построили свой дождь.

Настасья ответила не сразу:

— Марфу Ивановну посылают в район на курсы, а меня ставят бригадиром. Вот я о чем горюю.

Как здорово! — обрадовалась Катя. — Моя мама бригадир. Моя мама — бригадир! — И закружилась по дому, заплясала.

Не пришлось мне в молодые годы как следует поучиться, — горевала мать.

Девчонка удивлённо повела плечами:

А я? Я тебе, мама, помогу! Не отказывайся, я помогу.

Настасья грустно улыбнулась:

— Нужно счёт, дочка, вести на сотни.

— Ну и что же, вторую зиму проучусь, так и сотни стану прибавлять и множить.

Глаза у матери заблестели. Как-то по-особенному она посмотрела на дочурку: «Неужели это она, её Катя, выросшая без отца, стала такая большая, умная да отзывчивая?»

Взяв в ладони Катину голову с двумя золотистыми косичками, нежно заглянула ей в лицо и крепко-крепко поцеловала.

— Спасибо, дочка. Утешила меня.

С того дня Настасья стала приходить домой поздно: что-нибудь да задерживало её на грядках или в парниках. Приходила молчаливая, озабочен-

ная. Раскладывала по столу бумаги, бралась за счёты.

К ней тут же подсаживалась Катя с учебником или карандашом в руке.

— Так ли, дочка? — спрашивала мать, записывая цифры в разные ведомости.

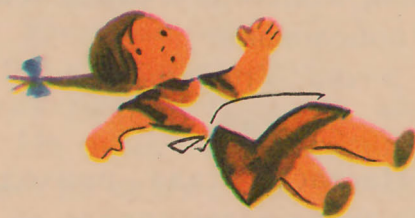
— Ну тебя. Сама ты всё умеешь. Мне тут и делать нечего, — признавалась Катя.

— А ты сиди да перенимай. Вырастешь, и тебя бригадиром поставят.

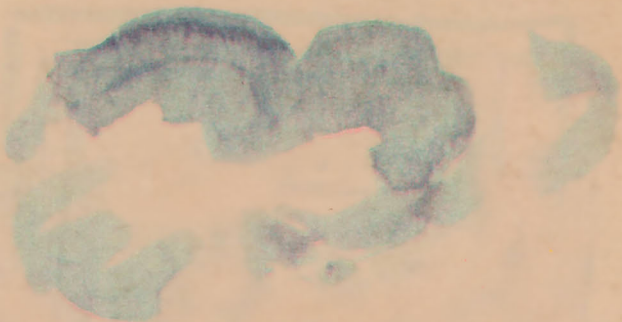
Девочка перенимала, ну а если чего-нибудь ей не давалось, Катя стремглав бежала в школу за помощью к своей учительнице.

Правда, в гостях подолгу не засиживалась, скорее обратно, домой торопилась. Зато и куры у неё всегда накормлены, и овцы вовремя домой пришли, и посуда в доме мыта-перемыта.

— Хорошая помощница у Настасьи растёт, — говорили между собой деревенские женщины.







Для старшего
дошкольного возраста

Александр Фёдорович ШИШОВ

ДЕДУШКА ФЁДОР,

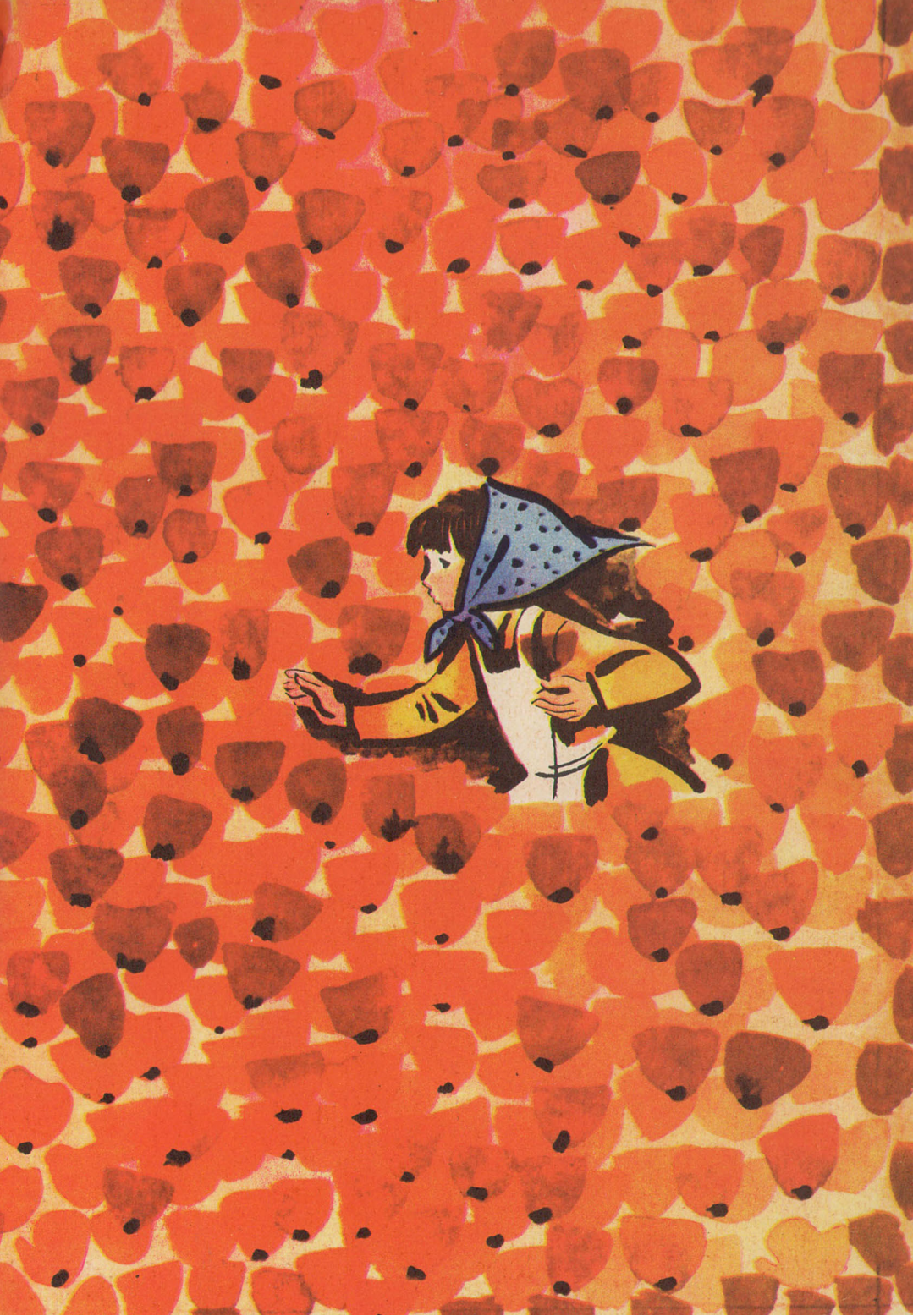
КАТЯ И КОРОЛЬ

Художник Е. Медведев

Редактор Л. Мезинов. Художественный редактор И. Иванова.
Технический редактор М. Матюшина. Корректор Н. Шадрина.
Сдано в производство 20/XII-73 г. Подписано к печати 23/IX-74 г.
Формат 60х84^{1/16}. Печ. л. 2,25. Уч.-изд. л. 1,58. Тираж 300 000.
Изд. № 2605. Зак. № 4934. По оригиналам издательства "Малыш"
Государственного комитета Совета Министров РСФСР по де-
лам издательств, полиграфии и книжной торговли

Тип. Издательства ЦК КП Литвы, Вильнюс, Тиесос, 1.

Ш-70801—427
М102(03)-74 без объявл.



13 к.



**ИЗДАТЕЛЬСТВО
МАЛЫШ • 1974**